

Непременно
вернусь

Наталия Богомолова

Непременно вернусь

<https://litres.ru/74381412>

SelfPub; 2026

Аннотация

Во время Культурной революции музыкант и учитель Лю Чао вынужден покинуть Китай, оставив родной город, семью и учеников. В чужой Италии он пытается привыкнуть к новой жизни, но прошлое не отпускает его. Однажды Лю Чао встречается загадочного молодого итальянца, чьи голос, манеры и любовь к музыке пробуждают воспоминания о человеке, которого он потерял много лет назад. Случайность ли это — или прошлое каким-то образом вновь нашло его?

Наталия Богомолова

Непременно вернусь

Непременно вернусь

Ты пойдешь переулками до кривобокого моста,

Где мы часто прощались до завтра. Навеки прощай,

Невозвратное счастье! Я знаю спокойно и просто:

В день, когда я умру, непременно вернусь в Китай.

Валерий Перелешин

Культурная революция в Китае разделила Лю Чао со своим домом. Довольно молодой музыкант, всю жизнь помогающий юным умам обучиться музыке, он покинул родину, где жил более тридцати семи лет и где когда-то учил, гулял, любил. В шестьдесят шестом году Лю Чао наспех собрал сумку с вещами и умчался прочь, убежав от унижения, которое неожиданно настигло его в родном краю, в одном тихом городке провинции Шаньдун. Это было сложно для него – бросить всё, чем жил столько лет, за одно крохотное, вынужденное мгновенье, разбить все маленькие планы, все высокие цели и мечты, расстаться с отчим домом, с престарелыми родите-

лями, а затем покинуть всё, что было незаменимой частью его жизни до сих пор. «Следовало больше ценить мою волю и моё бытие, – убегая, думал Лю Чао. – Я буду никем в чужой стране! Никем!» Тем не менее, попрощавшись с видом родного города, некогда совершенно спокойного, ныне же всецело погружённого во мрак бедствия, с тем, что осталось от ветхого любимого пианино после вторжения хунвейбинов, простившись с ароматами травяного чая, вонтонов, варёных в супе и поданных в уличном киоске за углом школы; простившись с некоторыми своими верными учениками, с их бедными семьями и со своей, он прыгнул на поезд и в слезах покинул разрушающийся Китай, некогда греющий его сердце – ныне же омрачающий и пугающий его. Чувствуя себя эгоистом, Лю Чао вытирал мокрые глаза, глядя на уезжающие картины родных долин, провинций, полей, рисовых плантаций, и оправдывал себя только одним: «Либо я убегу, либо – меня убьют». И всё же, даже тысячу раз повторив это себе самому, заверив самого себя в безвыходности случая, он всё ещё не мог достичь смирения. Покой так и не добрался до его души – души сбежавшего с родины человека.

В Италии, а точнее – в Тоскане, уже долгие годы жили давние друзья Лю Чао, благодаря которым он знал итальянский почти в совершенстве. В прошлом они учили его языку, а он учил их музыке, что тоже, в некотором роде, передавала чувства не хуже, чем слова. Когда-то строгий, но вдохновлённый романтикой искусства Лю Чао учил ещё кое-кого. Юношу,

выросшего на его уроках, звали Фэн Сянцзян. Талантливый ребёнок, сидящий даже на уроках с тихой улыбкой, однажды совсем неожиданно исчез. С того момента прошло уже семь лет, однако мысль о его внезапной пропаже всё ещё не покидала Лю Чао. Распрощавшись с родными местами, он не мог больше думать об этом: что случилось с Фэн Сянцзяном? Остался ли он в Китае? Когда они попрощались в последний раз, куда он отправился? С каждым днём Лю Чао всё больше горевал по родине и волновался за судьбы тех, кто, возможно или точно, остался позади. Теперь он, ослабевший после побега, собирался уехать в Тоскану, всё ещё питая слабую надежду, что это всего лишь «на время» и что, как-нибудь вернувшись в бодрости духа домой, он восстановит своё пианино и вновь сыграет на нём, возродив в памяти полюбившиеся ему произведения чужеземных композиторов, которые вновь станут приемлемыми для Китая; с ним снова поздороваются детские голоса, он увидит потрескавшиеся стены школы – и даже в этом найдёт что-то тёплое для себя, ностальгическое и трогательное, и улыбнётся ему в одиночестве его ученик – пропавший некогда Фэн Сянцзян... если он всё-таки не стал одной из *тех* жертв.

«Учитель, там так много детей. Все будут меня слушать? О нет... Это же мой первый раз, что-то точно пойдёт не так», – сотрясаясь от волнения, говорил юный Фэн Сянцзян. Его руки дрожали, а глаза были на мокром месте.

Лю Чао обратил к нему свой взор.

«Хватит беспокоиться, – отвечал он строго. – Это всего лишь школьники. Не пристало тебе перед ними дрожать от страха».

«А если я сфальшивлю?.. Запнусь?.. Заплачу от волнения?..»

«Тогда я приду на помощь, и сыграем вдвоём. Так что соберись. Не опозорься и не опозорь меня».

На лице мальчика дрогнула рассеянная улыбка. Взяв себя в руки, он пошёл к пианино, и тогда же десятки детей за старыми партами подняли на него свои глаза. Как только Фэн Сянцизян коснулся желтоватых клавиш пианино, по классу разлилась нежная и сладостная мелодия.

Приехав в Италию, Лю Чао первым делом глубоко вздохнул. «Нечего сетовать, придётся привыкать», – подумал с горькостью он и шагнул навстречу к чужедальному краю.

Пароход его доставил к острову, к одному старинному историческому городу. Вся просёлочная дорога, ведущая к нему, была усыпана листьями. Из аллеи слышался монотонный стрёкот цикад, шумели от сильного теплого ветра кипарисы, и стояло жаркое лето, поистине итальянское. Города ещё не было видно; так, путь к нему оказался довольно тяжёлым даже для человека, взявшего в дорогу только маленькую сумку с вещами, собранными впопыхах. Пока Лю Чао брёл, ему на пути встречались и цветущие красные маки, и мно-

жество виноградников, облюбованных деревенскими садовниками, что заботливо взращивали его, собирали, давили, а затем закупоривали в бочки восхитительно благоуханное вино с ароматом морского воздуха. Уже устало таща за собой сумку, Лю Чао шёл, вытирая пот с чела и тяжело дыша, пока навстречу ему бежали незнакомые дети и шли девушки в платках к виноградным, персиковым и абрикосовым садам. Неподалёку уже примостилась деревня: фермерские дома в ней, похожие друг на друга, были покрыты сыном, позади каждого стояли дворики с хлевом, а дорога, проложенная к ним, была обсажена лаврами. Позади деревни всё виднелись холмы и долины, нетронутые рукой человека, и под льющимся золотом солнца пейзажи были подобны картинам, написанным маслом на холсте. Лю Чао впервые улыбнулся, глядя на живописную Италию, перенесённую с буколических картин эпохи Возрождения, и, хотя пейзаж действительно зачаровал его на какое-то время, идти ему ещё предстояло очень далеко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.